

Глава 9. Случилось непоправимое

В тот день Старший Лю поднялся ни свет ни заря. Осушив две полные чаши жидкой каши и закусив парой пышных маньтоу с хрустящими маринованными дольками редьки, он отправился в кладовую.

Заметив, что отец достаёт старый охотничий лук и тесак, Лю Тяньцзяо удивленно спросил:

— Батюшка, зачем тебе это?

— Да так, — коротко бросил тот. — Решил проверить снаряжение, а то заржавеет без дела.

Тяньцзяо знал, как Лю Лаода дорожит этими вещами, и не стал расспрашивать дальше.

— Скоро большой базар, — напомнил юноша. — Боюсь, мяса на продажу не хватит. Когда поедем закупать скотину?

— В этот раз не поедем, — ответил отец. — Вчера взял побольше. Распродам завтра остатки и передохну, займусь полем.

В поле они и впрямь не заглядывали уже несколько дней, поэтому Тяньцзяо ничего не заподозрил.

— Хорошо, я тогда пойду с тобой, помогу.

— Работы там немного, я и сам управлюсь, — возразил Старший Лю. — Ты лучше приберись в огороде. Собери созревшие овощи, пора уже новые грядки готовить.

Посчитав это разумным, Лю Тяньцзяо согласился. Если бы он только знал, что это решение станет его горьким сожалением на всю оставшуюся жизнь.

На следующий день мясо распродали быстро, и к полудню отец с сыном уже пообедали дома. Тяньцзяо отправился на огород: прополос сорняки, собрал почти всю созревшую вигну. Этих бобов уродилось столько, что он успел приготовить их всеми возможными способами: жарил, бланшировал для салатов, тушил с острым перцем.

Каким бы искусным поваром он ни был, одно и то же блюдо рано или поздно приедалось. В последние дни при виде опостылевших стручков на столе лицо отца заметно каменело.

Тяньцзяо, посмеиваясь над ним, не стал больше неволить родителя. У этого овоща было множество применений: излишки он промывал, подсушивал и укладывал в кадки для засолки. Пройдёт время, и обжаренная с мясным фаршем маринованная вигна станет лучшей добавкой к рису. А если её мелко нарезать, то и с жидкой кашей — просто объедение.

Оставшиеся бобы можно было ошпарить кипятком и высушить на солнце. Зимой тушенное с мясом сушеное лакомство — любимая еда отца.

То же самое он планировал проделать с баклажанами: нарезать соломкой, высушить, а потом, размочив, обжаривать в горячем масле. Благо в доме мясника с жиром проблем никогда не было.

Тяньцзяо работал, погруженный в свои расчеты, как вдруг в ворота кто-то вломился. От неожиданности он вздрогнул.

— Здоровяк, ты чего творишь? Зачем влетаешь так, будто пожар? Смотри, двери не выломай!

Прибежавшим оказался Шао Чжуан, старший сын Шао Цина, которого в деревне прозвали Здоровяком. Он был весь в поту, лицо исказила тревога.

— Какие там двери! Собирайся скорее, беги за мной! Твоего отца змея ужалила, совсем плох... Поспеши, если хочешь застать его живым!

«Застать живым?»

Эти слова едва не лишили Тяньцзяо чувств. Лишь впившись ногтями в ладони до крови, он заставил себя стоять на ногах.

— Где он? Где мой отец?!

— У Доктора Шао, — бросил Шао Чжуан, увлекая его за собой.

Доктор Шао был местным самоучкой, коренным жителем деревни Циншуй. В молодости ему улыбнулась удача: он помог какому-то важному лекарю из губернского города. Тот, оценив доброту и смекалку юноши, взял его в ученики.

Это была богатейшая аптека в столице провинции. Закончив обучение, Шао мог стать уважаемым врачом. В городе лекари зарабатывают огромные деньги — пары рецептов хватило бы семье в деревне на месяцы безбедной жизни. Поговаривали, что Шао вытянул счастливый билет и навсегда покинет крестьянскую долю. Родственники тут же засуетились, устраивая выгодные браки для его братьев и сестер, а самому Шао сосватали первую красавицу деревни.

Но когда все ждали его триумфального взлета, Шао внезапно вернулся в родные края с молодой женой, подавленный и опозоренный.

Оказалось, что его покровитель внезапно скончался, а другие ученики, завидовавшие «деревенщине», выжили его. В те времена медицина была делом закрытым, туда попадали либо по большим связям, либо за огромные деньги, и терпеть рядом безродного выскочку никто не желал. Ему строили козни, лишали еды, науськивали управляющего. Спустя несколько месяцев борьбы его попросту выставили за дверь.

Насмотревшись на городские несправедливости, Доктор Шао пал духом. В деревне он стал сельским лекарем, врачуя простуды да переломы, а в свободное время собирал в горах травы на продажу. Жил небогато, но всё же лучше, чем те, кто гнул спину в поле от зари до зари.

Вся округа знала: в городе Шао толком не практиковал, и как бы ни был он талантлив, знания его были ограничены.

Поэтому Тяньцзяо, не переводя дыхания от бега, лихорадочно соображал:

— Мой отец крепкий, он выкарабкается! Нельзя ему у Шао оставаться. Шао Чжуан, помоги мне найти повозку, я отвезу его в город!

Шао Чжуан понимал чувства друга, но, вспоминая огромную дыру в его груди, лишь качал головой:

— Сначала дойди, сам посмотришь...

Тяньцзяо, выросший бок о бок со Здравяком, по одному его лицу понял худшее. Но сердце отчаянно цеплялось за надежду. Ведь отец такой сильный! Несколько лет назад дикий кабан протаранил его клыком, он был весь в крови, но ведь выкарабкался, за пару месяцев на ноги встал!

Однако, увидев Лю Лаода, который с нечеловеческим усилием пытался разомкнуть веки, Тяньцзяо задохнулся от рыданий. Он лишь крепко обнял уже холодеющее тело отца. В голове воцарилась звенящая пустота.

Силы окончательно покидали Старшего Лю. Он держался лишь на одном упрямстве, ожидая сына. Сухими губами он едва слышно прошептал:

— Живи... живи хорошо...

Эти огромные руки в мозолях, которые шили ему первые распашонки, которые заслоняли его от пощечин бабки, которые подхватывали его и усаживали на плечи... эти руки, не знавшие отдыха, бессильно упали.

Тяньцзяо открыл рот, но крик «Отец!» застрял в горле, и он рухнул без чувств.

Староста тяжело вздохнул. Каким бы своенравным ни был Лю Лаода, он вырос у него на глазах. Еще вчера тот весело здоровался, толковал о том, как найдет хорошего зятя для сына... а сегодня перед ним лежало остывающее тело.

— Цзяо Гэ'эр сейчас не в себе, не сможет он всем заправлять. Соседи, помогите перенести тело в дом. Мы из одной деревни, давайте поможем справиться похороны как подобает.

Затем он повернулся к Старику Лю:

— Хоть вы и разделили хозяйство, но он — ваша плоть и кровь. Вы должны решить, как проводить старшего сына в последний путь.

Старик Лю, пребывавший в растерянности и скорби, вскинул голову:

— Я... да что я могу решить?

Староста нахмурился, зная его бесхребетность:

— Устроить прощание, созвать родню, организовать похороны. Ты жизнь прожил, неужто не видел, как это делается?

Старик Лю выпалил, не подумав:

— Сделать-то недолго, да на какие шиши? Гроб справить, людей накормить, копальщикам заплатить — всё денег стоит!

— У старшего сына хозяйство крепкое, на всё хватит, — отрезал староста. — Просто бери и делай.

Старик Лю хотел было еще что-то возразить, но его одернул стоящий рядом Лю Лаояо:

— Староста, не беспокойтесь. Хоть мы и не богаты, но в такой час считаться не станем. Мы проводим брата со всеми почестями.

Староста удовлетворенно кивнул:

— Не зря говорят, что Лю Лаояо — человек стоящий. Сразу видно и ум, и широту души.

Сяо Цянь-ши, до этого прятая за спинами, тут же выступила вперед:

— Раз старшего не стало, мой муж теперь за главного в семье. Нечего младшему брату хлопотать, мы сами обо всем позаботимся.

«Ох, и наглая же морда у этого Лю Лаояо, — подумали многие. — Распинается тут перед всеми, порядочного из себя строит. Сразу видно, удумал на похоронах нажиться. Столько ведь денег через его руки пройдет, поди, с каждого расхода себе долю малую отложит»

«Не зря он так разбогател на своей торговле вразнос, что пятикомнатный дом из жженого кирпича отгрохал. Голова-то у него варит. Иначе разве смог бы он столько накопить на обычных безделушках?»

Староста, который тоже не любил лишних хлопот, был рад, что нашлись желающие. Видя, как

обычно прижимистая Сяо Цянь-ши рвется в бой, он решил не мешать:

— Хорошо, Вторая невестка, раз ты такая понятливая. Беритесь за дело вместе с Лю Лаояо и другими братьями. Проводите его достойно.

Сяо Цянь-ши закивала:

— Всё сделаем, не сомневайтесь.

Лю Лаояо, словно не замечая корыстных помыслов невестки, лишь скорбно добавил:

— Конечно. Мы сделаем всё, чтобы брат ушел с миром.

Когда Лю Тяньцзяо пришел в себя, в окне уже стояла глухая ночь. Он чувствовал опустошение. Хотел заплакать, но слез не осталось. Собрав последние силы, он поднялся с постели и, пошатываясь, толкнул дверь в соседнюю комнату. Там было пусто и холодно.

— Батюшка... где же мой батюшка?

<http://bllate.org/book/15343/1372745>